

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 973.091.8 : 336.4
DOI: 10.17223/19988613/63/11

Л.В. Никитин

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛИДЕР ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ: НЬЮ-ЙОРК В МИРОВОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ 1970–2010-х гг.

На основе статистических и иных источников прослеживается постепенное изменение позиции Нью-Йорка в условиях фундаментальных сдвигов в мировой экономике. Ситуация в этом городе и его достижения сопоставляются с положением дел у других крупнейших центров: с одной стороны, у Лондона, возглавлявшего глобальную иерархию на предыдущем историческом этапе, а с другой – у Токио и Пекина, которые выдвинулись на вершину после Нью-Йорка и заслуживают в этой связи особого внимания.

Ключевые слова: 1970–2010-е гг.; банки; глобальная конкуренция; Нью-Йорк; Лондон; Токио; Пекин.

За последние десятилетия благодаря Ч. Киндлбергеру [1], Ф. Броделю [2], Ю. Кассису [3] и ряду других выдающихся исследователей видное место в исторической науке заняли работы о становлении и эволюции мировых финансовых центров, о конкуренции между ними, а также об их значении для глобальной экономики.

Данная статья, как и серия предыдущих публикаций автора [4, 5], направлена на дополнение и развитие этой академической линии с учетом современных событий и на основе новых эмпирических данных. Работа в своей основной части сфокусирована на одном, но чрезвычайно важном деловом центре. Нью-Йорк, крупнейший город Соединенных Штатов Америки, которые, в свою очередь, уже почти полтора века лидируют в мировом хозяйстве, неизбежно должен был выдвинуться в авангард глобальной финансовой системы. За относительно короткое (в историческом масштабе) время на берегах реки Гудзон выросли гигантские биржи фондового и товарного профиля, коммерческие и инвестиционные банки, страховые компании и иные финансовые институты.

Исследователи в целом склонны считать, что Нью-Йорк как центр управления денежными потоками достиг примерного паритета с прежним лидером (т.е. Лондоном) в период Первой мировой войны, а затем превзошел своего британского конкурента в самом начале 1930-х гг. [3. Р. 185; 6. С. 28]. Правда, с 1960–1970-х гг. Нью-Йорк вновь столкнулся с серьезными вызовами со стороны Лондона, а затем также и Токио [3. Р. 223–225, 238–241].

В дальнейшем аналитики стремились как можно точнее установить соотношение финансовых сил между этими и некоторыми другими городами – в том виде, в каком оно сложилось на исходе XX и в начале

XXI столетий. Современные специализированные центры с британскими, американскими, японскими и китайскими адресами [7–9], на все более высоком уровне выполняющие трудоемкую работу по ранжированию «глобальных городов», сталкиваются, однако, с системной проблемой – с тем, что очень непросто свести к «общему знаменателю» и представить в виде единой линейки баллов результаты, которые формируются в разных сегментах финансового бизнеса.

Впрочем, ситуация заметно изменится, если исследователь, поставив перед собой менее масштабную, но также очень важную задачу, обратится к отдельно взятому банковскому сектору. Аналитическое отсечение бирж, инвестиционных фондов, страховых компаний и некоторых иных разновидностей финансовых структур, с одной стороны, позволит опираться на надежные массивы относительно однородных данных, а с другой – все равно сохранит в качестве объекта для изучения гигантскую и влиятельную отрасль, активы которой уже давно измеряются десятками триллионов долларов.

На основе именно таких подходов и построена настоящая статья. В ней для анализа показателей Нью-Йорка и его основных конкурентов, а также для понимания общей картины в глобальном банковском секторе используются два надежных и совместимых комплекса статистической информации. Это, во-первых, публикуемые с 1970 г. в лондонском журнале «The Banker» данные по капиталу и активам 300 (а затем 500 и, наконец, 1 000) крупнейших банков мира [10–12], во-вторых, – сводки об общем состоянии экономики различных стран, которые составляются специализированным подразделением ООН [13]. Первичная статистика, доступная в этих источниках, при условии последующей обработки и систематизации (особенно в

режиме ежегодных замеров, как и было сделано в данном случае), позволяет получить в целом точное и достоверное представление об изучаемом предмете. Кроме этого, для исследования привлекались разнообразные материалы не количественного плана.

Стартовой хронологической точкой наблюдений является первая половина 1970-х гг. Подобный выбор определяется не столько доступностью упомянутых статистических массивов, сколько фундаментальными историческими сдвигами (серией системных кризисов, быстрым изменением места отдельных стран в мировой экономике и т.д.), которые пришлось на этот период. Далее прослеживается то, как положение Нью-Йорка, еще остававшегося к началу 1970-х гг. мировым банковским лидером, а также положение его основных конкурентов менялось с течением времени – вплоть до нынешнего десятилетия.

1970–1980-е гг.: японский вызов. На рубеже 1960–1970-х гг. еще продолжали действовать импульсы от более ранних событий, которые в свое время обеспечили Нью-Йорку его особую роль в глобальных финансах. Среди комплекса давних исторических предпосылок следует назвать, прежде всего, уверенное утверждение Нью-Йорка в качестве самого большого города, ведущего внешнеторгового порта и основного делового центра своей страны (вторая четверть XIX в.), выход США на первое место в мире по объему внутреннего валового продукта (1870-е гг.), усиление международных позиций доллара после создания Федеральной резервной системы (1913 г.), активизацию экспорта американского капитала во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и относительное ослабление конкуренции со стороны Лондона после того, как было отменено фиксированное золотое содержание британского фунта (1931 г.). Затем, по итогам Второй мировой войны, к накопленному эффекту от названных факторов добавилось еще более выраженное лидерство Соединенных Штатов в глобальной экономике, а также признание особой роли доллара в рамках Бреттон-Вудской системы регулирования валютных курсов.

Положение Нью-Йорка на вершине мировых финансов казалось непоколебимым. Если перед Первой мировой войной крупнейший из нью-йоркских банков («National City Bank») занимал только 13-е место в глобальном рейтинге по величине активов, то в 1960 г. наиболее заметные представители этого города («First National City Bank» и «Chase Manhattan Bank»), которыми, конечно, далеко не исчерпывался местный кредитный кластер, делили вторую и третью позиции, пропустив вперед также американскую корпорацию («Bank of America» из Сан-Франциско) [3. Р. 92, 208]. Продолжавшийся подъем основных финансовых сил Уолл-стрит нашел практическое и символическое воплощение в открывшемся весной 1961 г. ультрасовременном небоскребе «Chase Manhattan Bank Building» [14. Р. 163–167], который стал самым высоким банковским офисом на планете.

Однако в это же время сохранялись – и, более того, постепенно выходили на первый план – некоторые неблагоприятные обстоятельства. С давних пор банковская система США отличалась множеством довольно строгих регламентаций. Так, еще на ранних этапах становления государства было признано недопустимым развертывание межштатных филиальных сетей, а в 1930-е гг. «новый курс» Ф.Д. Рузвельта принес жесткие ограничения на уровень депозитных ставок и запрет на совмещение традиционной кредитной деятельности с игрой на фондовом рынке.

На протяжении ряда десятилетий подобные моменты с избытком компенсировались общей экономической мощью США и надежностью национальной валюты, но уже со второй половины 1950-х гг. игроки на зарубежных рынках научились эффективно использовать относительно слабые стороны американской финансовой системы (сформировавшиеся под воздействием упомянутых правил). В это время в Лондоне и в некоторых других коммерческих метрополиях стали входить в обращение «евродоллары», т.е. депозиты, кредиты и другие финансовые инструменты, номинированные в денежной единице США, но выпускавшиеся в других странах (причем, вопреки устоявшемуся термину, не обязательно в Европе) [3. Р. 219–223]. Подобным бизнесом могли заниматься и сами американские компании, и их зарубежные конкуренты, но в любом случае это означало существенный сдвиг деловой активности обратно через океан.

Лондон, которому евродоллары помогли восстановить примерный паритет с Нью-Йорком, в этом прорыве, с одной стороны, опирался также на финансовые, институциональные и кадровые ресурсы, формировавшиеся со времен становления и расцвета Британской империи. С другой стороны, некоторую сдерживающую роль играло замедленное экономическое развитие Соединенного Королевства в 1950–1970-е гг.

Между тем все громче заявлял о себе еще один претендент, у которого сочетание сопутствующих обстоятельств выглядело почти противоположным по отношению к лондонскому варианту. Речь идет о Токио – городе с относительно короткой историей больших финансовых корпораций, но и с исключительно выгодным положением в авангарде японского «экономического чуда» послевоенных десятилетий. Феноменально быстрый рост ВВП и мощный экспорт разнообразных промышленных товаров сопровождался подъемом кредитно-финансового сектора, чему в немалой степени способствовал целенаправленный протекционизм со стороны правительства Японии.

В том, что касалось непосредственно банковской сферы, основным конкурентом Нью-Йорка становился именно Токио, а не Лондон. Динамика активов, генерировавшихся в крупнейших городах США и Японии, в целом следовала за изменением вклада самих стран в мировую экономику: снижение американской доли в глобальном ВВП сопровождалось относительным

ослаблением позиций Нью-Йорка (табл. 1), тогда как с японским «экономическим чудом» логично сочеталось решительное наступление Токио (табл. 2).

Таблица 1
Доля США в глобальном ВВП; доли Нью-Йорка, Сан-Франциско и Шарлотта в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
США (ВВП)	31,5	25,4	23,2	32,1	26	24,6	30,5	27,4	22,7	24,4
Нью-Йорк (активы)	12,6	9,4	6,2	6,2	3,6	3,1	4,1	4,6	6,1	5,9
Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт (активы)	17,5	13,5	8,9	8,3	4,8	4,8	7,1	8	9,5	9,1

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

Таблица 2
Доля Японии в глобальном ВВП; доли Токио и Осаки в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Япония (ВВП)	6,2	7,9	9	10,4	13,6	17,5	14,6	10	8,6	5,9
Токио (активы)	8,6	10,6	13,3	14,2	18,5	17,7	11,3	8	7,1	6,8
Токио и Осака (активы)	11,2	14	14,8	18,4	23,2	23,1	14,8	9,7	7,9	7,3

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

Таблица 3
Доля Нью-Йорка, Токио и Пекина в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Нью-Йорк	12,6	9,4	6,2	6,2	3,6	3,1	4,1	4,6	6,1	5,9
Токио	8,6	10,6	13,3	14,2	18,5	17,7	11,3	8	7,1	6,8
Пекин	–	–	–	0,3	0,7	2,8	3,5	4,2	6,6	13,2

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

К 1974 г. суммарные активы «Dai-Ichi Kangyo Bank», «Fuji Bank», «Mitsubishi Bank» и других токийских гигантов, достигшие 200 млрд долл., уверенно превосходили аналогичный коллективный показатель у конкурентов из Нью-Йорка («Citicorp», «Chase Manhattan Corp», «J.P. Morgan & Co» и т.д.). (Заметим, что здесь и далее подобные данные, рассчитанные на основе сводок журнала The Banker [10–12], приводятся в текущих ценах.) На два этих города долгое время приходилось примерно 20% от всех активов 300 крупнейших банков мира, однако теперь вклад Токио впервые стал больше, чем вклад Нью-Йорка (см. табл. 3). Правда, при сопоставлении в масштабах целых стран первенство в течение еще пяти–шести лет сохранялось за США, где наряду с Нью-Йорком значительную роль играли Сан-Франциско, Чикаго, Лос-Анджелес, Даллас и некоторые другие банковские центры (в Японии Токио получал существенную поддержку только от Осаки), но в любом случае отступление американской стороны становилось все более очевидным.

Вскоре очень важной исторической вехой и для Нью-Йорка, и для Токио стал мировой экономический

кризис 1973–1975 гг. В США этот кризис остро поставил вопрос о недостаточной эффективности привычного госрегулирования экономики по кейнсианским рецептам. Особенно большое беспокойство вызывала устойчиво высокая инфляция, которая тянула за собой целый комплекс деструктивных последствий для социальной сферы и делового климата. Параллельно происходили такие глубинные сдвиги, как вынужденный отказ от привязки доллара к золоту (еще в 1971 г.), а затем – разрушение особого статуса американской валюты, распад Бреттон-Вудской системы и возвращение к формированию котировок преимущественно на свободном рынке. Среди самых запоминающихся событий этого неспокойного времени следует назвать и объявленный в 1975 г. дефолт по долговым обязательствам нью-йоркского муниципалитета.

Конечно, подобные обстоятельства заставляли политиков и бизнесменов все активнее заниматься поиском новых решений. Так, преодолеть бюджетный кризис в Нью-Йорке удалось благодаря новому соглашению о заимствованиях от частных банков – под обязательство сделать более гибкой систему управления городом и приватизировать некоторые муниципальные службы [15. Р. 44–48; 16. Р. 75–175]. К тому же по времени и фундаментальной логике эти преобразования совпали с важным сдвигом непосредственно в финансовом секторе: с начавшейся в 1975 г. реформой нью-йоркского фондового рынка, которая заключалась в отмене фиксированных комиссионных сборов и, как следствие, в создании более жесткой конкурентной среды [3. Р. 238]. Затем при администрациях Дж. Картера (1977–1981 гг.) и Р. Рейгана (1981–1989 гг.) переход от кейнсианской модели к более свободному рынку развернулся в масштабе всей страны. Экономическая политика этого времени включала в себя такие направления, как подавление инфляции, снижение налогов и создание благоприятного инвестиционного климата. Кроме этого, в отношении банковского сектора на рубеже 1970–1980-х гг. были приняты важные решения, которые обеспечили постепенную отмену прямого контроля над уровнем ставок и частично устранили преграды для развития общенациональных филиальных сетей.

Что касается Японии, то для нее кризис 1973–1975 гг. создал проблемы, прежде всего, в сфере энергетики. Для страны, которая еще сильнее, чем США, зависела от импорта углеводородного сырья, непостоянным испытанием стало происходившее тогда резкое повышение цен на рынке нефти и газа. Темпы роста национальной экономики, оставшиеся и в дальнейшем довольно высокими, все же заметно снизились по сравнению с предыдущими десятилетиями. Стремясь решить проблемы с наполнением бюджета, возникшие из-за временного ухудшения ситуации во внешней торговле, правительство существенно увеличило выпуск долговых бумаг, что, соответственно, привело к многократному увеличению оборотов на фондовом рынке в

Токио. Кроме этого, во второй половине 1970-х гг. японские власти занимались либерализацией и интернационализацией финансового сектора, постепенно ослабляя ограничения как на движение капиталов в страну, так и, наоборот, из нее во внешнее пространство. Произошел переход от почти замкнутой системы, при которой преобладающей практикой японских банков было кредитование национальной промышленности (под контролем государства), к полноценному участию в транснациональных финансовых потоках [3. Р. 239–241; 17. Р. 276–278].

Дерегулирование, которое параллельно (хотя и при разной расстановке акцентов) осуществлялось в Японии и США, в обоих случаях привело к значительным сдвигам. После преодоления тяжелых кризисов 1973–1975 и 1980–1982 гг. экономические показатели рассматриваемых стран определенно внушали оптимизм. Стремительно рос и кредитный сектор, пользуясь новым уровнем свободы, а также опираясь на передовые инженерные достижения (особенно в сфере цифровых технологий и телекоммуникации).

Крупнейшие банковские холдинги Нью-Йорка, стремясь быстрее извлечь доходы из открывшихся возможностей, заметно продвинулись и по линии электронных инноваций, и в том, что касалось географического расширения своего бизнеса на территории США (выход на зарубежные рынки уже давно не был для них проблемой). При этом наибольшую активность в территориальных вопросах демонстрировали не признанные доминанты в лице «Citicorp» и «Chase Manhattan», а исторически менее заметная группа «Chemical New York Corporation». Ее менеджеры во главе с Уолтером Шипли, проявляя большой интерес к покупкам в южной части страны, в итоге осуществили еще непривычную по тем временам сделку и установили контроль над «Texas Commerce Bank» – одним из ведущих финансовых домов Техаса [18. Р. 218–251; 19. 16.12.1986, 28.03.1987].

Но все же общие результаты Нью-Йорка оказались не такими выдающимися, как можно было ожидать. В 1980–1985 гг., после длительного снижения на предыдущем этапе, городу удалось лишь стабилизировать свою долю в глобальных активах (см. табл. 3). Затем и этот довольно ограниченный успех был перечеркнут охватившим США банковским кризисом 1986–1993 гг. Несмотря на еще продолжавшийся (до конца 1980-х гг.) общий рост национальной экономики, кредитный сектор пережил тогда огромную волну банкротств, вызванную целым комплексом факторов (в том числе и отдельными просчетами в отраслевой либерализации рубежа 1970–1980-х гг.). Нью-Йорк пострадал от этих событий меньше, чем, например, техасские города или Лос-Анджелес, но в любом случае его доля в мировой банковской системе вновь стала сокращаться (табл. 3).

Зато все это время продолжал свое феноменальное восхождение Токио. Недавнее расширение финансовой свободы для Японии стало еще более мощным и

устойчивым источником подъема в кредитном секторе, чем для США. Конечно, огромную роль играл и общий рост японской экономики, но в любом случае банковский вес Токио (а также Осаки и некоторых других городов) увеличивался опережающими темпами (см. табл. 2). Суммарный результат токийских банков, уже в середине 1980-х гг. достигший триллиона долларов, в дальнейшем стал повышаться еще быстрее. Новым импульсом стало принятое в 1985 г. решение ряда ведущих стран о контролируемой девальвации доллара и ревальвации иены [20. С. 373–374; 21. С. 141–142]: оно, как и предполагалось, помогало сдерживать гигантский экспорт промышленных товаров из Японии, но при этом увеличивало объем банковских активов в пересчете на доллары.

Во второй половине 1980-х гг. превосходство Токио было уже не только привычным и очевидным, но и подавляющим. Доминирование японских банков проявлялось и в глобальной статистике (см. табл. 3), и в их широком присутствии непосредственно на кредитном рынке США (т.е. вновь следует подчеркнуть, прежнего отраслевого лидера). Различные подразделения токийских финансовых групп уверенно расширяли свою деятельность в Нью-Йорке и других городах. Привлечение японского капитала нередко играло очень важную роль для американских банков, когда они стремились выйти из длительной полосы неудач (например, «BankAmerica» в Сан-Франциско [22. 14.01.1987]) или намеривались осуществить дорогостоящие поглощения (покупка «First Republic Bank Corporation» (Даллас, штат Техас) со стороны «NCNB Corporation» (Шарлотт, штат Северная Каролина) [23. Р. 152–154]). На выдающийся прорыв, совершенный Токио, все чаще обращали внимание и авторы специальных академических работ (см., например: [24–28]).

К началу 1990-х гг., т.е. в высшей точке этих восходящих трендов, Япония достигала 52–53% от показателя Соединенных Штатов по объему ВВП и, соответственно, впервые опережала своего трансокеанского конкурента по ВВП на душу населения. Еще более впечатляющая картина наблюдалась в банковском секторе, где показатель Токио по величине активов (3,6 трлн долл.) был в пять с лишним раз выше, чем у Нью-Йорка (0,7 трлн) (табл. 3). Крупнейший банковский центр США и прежний мировой лидер уступал в тот момент не только Токио, но также Парижу, Осаке, Лондону и Франкфурту-на-Майне.

1990-е гг.: англо-американский реванш. Последнее десятилетие XX в. Соединенные Штаты Америки встречали не в лучшей экономической форме. Развивавшийся с 1986 г. банковский кризис теперь стал частью еще более значительного события – полномасштабной рецессии начала 1990-х гг. в экономике США (и многих других стран мира). Только с 1992–1993 гг. ситуация стала определенно меняться к лучшему. Находившаяся тогда у власти администрация У. Клинтона (1993–2001 гг.) на благоприятном фоне смогла

вернуться к начатой (и затем отложенной) предшественниками работе по дальнейшей либерализации кредитного сектора.

Ключевое значение имел принятый в 1994 г. закон «Об эффективности междуштатных банков и филиалов» (или закон Ригла–Нила). С его вступлением в силу американские финансовые группы получили долгожданную возможность беспрепятственно разворачивать корпоративные сети по всей стране. Отрасль была охвачена мощной волной слияний и поглощений, приведшей, с одной стороны, к исчезновению множества относительно слабых банков, а с другой – к консолидации бизнеса и уходу более успешных компаний в отрыв. В этих условиях стремительно теряли позиции старые банковские узлы (например, Лос-Анджелес и Филадельфия) и быстро поднимались новые (в особенности Шарлотт).

Нью-Йорк, хотя и отстававший по динамике от отдельных центров кредитного бума, тоже демонстрировал впечатляющие результаты. Финансовые группы с острова Манхэттен все решительнее продвигались в такие дальние (относительно их штаб-квартир) штаты, как Флорида и Калифорния. (Здесь и далее, если специально не оговаривается иное, источником информации о слияниях и поглощениях американских финансовых групп являются официальные справки Федеральной корпорации США по страхованию вкладов [29].) Расширилось и зарубежное присутствие: так, «Chase Manhattan», используя недавние политические перемены и стремясь не упустить новые возможности на постсоциалистическом пространстве, начал активно работать в Чехии и Румынии [30. Р. 27].

Конечно, Нью-Йорк играл очень важную роль и в упомянутой активизации корпоративных слияний, причем наиболее значительные события подобного рода происходили внутри города. В 1991 г. менеджеры «Chemical Banking Corporation» во главе с уже упоминавшимся У. Шипли договорились об объединении их бизнеса с одним из манхэттенских соседей – группой «Manufacturers Hanover Corporation». Данная сделка, еще выглядевшая на тот момент довольно непривычной, получила необходимую поддержку в «коридорах власти». В частности, нью-йоркский конгрессмен (и будущий лидер демократической фракции в Сенате) Чарльз Шумер говорил, что формирующийся альянс «благодаря созданию компании, способной конкурировать на мировом рынке, в долгосрочной перспективе сделает Америку сильнее» [22. 16.07.1991].

В 1995 г. последовало слияние «Chemical» и «Chase Manhattan». Вторая из этих корпораций, несмотря на блистательную историю и тесную связь с домом Рокфеллеров, к середине 1990-х гг. вошла в полосу неудач. Объединение произошло на базе «Chemical», но при этом команда У. Шипли предпочла взять для нового гиганта более известное в США и во всем мире название «Chase Manhattan». В 1999–2000 гг., уже при преемнике У. Шипли Уильяме Харрисоне, к новому

«Chase Manhattan» присоединился холдинг «J.P. Morgan & Co»; в результате возник колоссальный конгломерат, получивший название «JPMorgan Chase».

Немного ранее руководители «Citicorp» и многопрофильной финансовой структуры «Travelers Group» (соответственно, Джон Рид и Сэнфорд Уэйл) создали на основе своих компаний новый холдинг «Citigroup». В этом случае важным был не только сам факт появления огромной корпорации, но и межотраслевой характер сделки, нанесшей сильнейший удар по давней практике отделения традиционных банковских функций от рискованной игры на фондовом рынке. Подобные барьеры, возведенные еще при Ф.Д. Рузвельте, постепенно преодолевались на протяжении 1980–1990-х гг. с помощью различных юридических лазеек. Теперь же слияние «Citicorp» с «Travelers» и создание «Citigroup» стало решающим импульсом для принятия нового правового документа (закона Грэмма–Лича–Блайли, 1999 г.), который установил почти неограниченную рыночную свободу и в этом вопросе.

Правда, разрушение отраслевых и географических преград принесло банковскому сообществу Нью-Йорка не только прорывы и достижения, но и некоторые корпоративные потери. Самым заметным событием подобного плана стал осуществленный в 1998–1999 гг. переход холдинга «Bankers Trust New York Corporation» под управление германского гиганта «Deutsche Bank».

Однако общие итоги, несомненно, оказались для Нью-Йорка положительными. Его банковский кластер пережил в 1990-е гг. глубокое реформатирование. Вместо прежней «большой шестерки» («Citicorp», «Chase Manhattan», «J.P. Morgan», «Manufacturers Hanover», «Bankers Trust», «Bank of New York» и «Chemical»), теперь над городом доминировали только две («JPMorgan Chase» и «Citigroup») – но зато еще более грандиозные – вершины. При поддержке со стороны «Bank of New York» и некоторых других компаний из следующих «весовых категорий», они обеспечили американской финансовой столице двукратное увеличение банковских активов за десятилетие. Прозвучавшие в 1991 г. слова нью-йоркского конгрессмена Ч. Шумера о создании конкурентоспособных групп, способных «сделать Америку сильнее», находили убедительное подтверждение.

Для воссоздания полной картины следует также заметить, что у сдвигов, происходивших на данном этапе в США, имелись довольно близкие аналогии как минимум еще в одной из ведущих финансовых держав, а именно в Великобритании. Консервативные правительства М. Тэтчер (1979–1990 гг.) и Дж. Мейджора (1990–1997 гг.), как и сменившие их лейбористы во главе с Э. Блэром (1997–2007 гг.), обычно проявляли не меньшую приверженность идее свободного рынка, чем американское руководство. В Британии, как и в США, решительно подавлялась инфляция, последовательно снижались налоги, создавались благоприятные условия для частных инвестиций, сокращалось прямое присут-

ствие государства в экономке. В свое время важным шагом на пути дерегулирования стала реформа фондового рынка в Лондоне (1986 г.), близкая по своему фундаментальному смыслу к ранее упомянутым нью-йоркским преобразованиям 1975 г. [3. Р. 238, 246–247]. В 1992 г., на фоне мирового экономического кризиса, правительству Дж. Мейджора пришлось вывести фунт из европейского Механизма регулирования валютных курсов [31. С. 84–94], однако это решение, при всем его драматизме, имело и положительные последствия. Оставшись в стороне от полного противоречий движения ряда континентальных государств к коллективной валюте евро, Британия сохранила возможность гибкого управления национальной денежной единицей.

Достаточно комфортный деловой климат, сохранявшийся на протяжении основной части 1990-х гг., помог «Barclays Bank», «National Westminster Bank» и другим финансовым титанам Лондона еще более расширить их бизнес. Кроме этого, в 1993 г. на берега Темзы перевела свою штаб-квартиру группа «Hongkong and Shanghai Banking Corporation» (HSBC), ранее управлявшийся из Гонконга [32. Р. 177, 205–206, 210]. Несомненно, свою роль в этом решении играли как опасения, связанные с приближавшимся переходом Гонконга под юрисдикцию КНР, так и неизменно высокая привлекательность британской столицы. По итогам десятилетия банки Лондона, подобно банкам Нью-Йорка, увеличили активы в два с лишним раза.

Контрнаступление крупнейших финансовых центров северной Атлантики выглядело еще более значительным на фоне серьезных проблем у Токио. Для Японии начало 1990-х гг. стало очень важным историческим рубежом. На смену быстрому экономическому росту 1970–1980-х гг. (и феноменальному рывку в 1950–1960-е гг.) шло то, что позднее будет названо «потерянные десятилетия».

Особенно драматической эта смена эпох оказалась в финансовом секторе. Его бурное расширение на предыдущем этапе, как теперь становилось очевидным, носило во многом спекулятивный характер. В поисках истоков проблемы вновь следует обратиться к кризису 1973–1975 гг., который заставил японское правительство радикально расширить выпуск облигаций. Почти сразу государственные ценные бумаги стали для промышленных компаний более привлекательным каналом получения дополнительных денежных средств, чем привычные банковские займы. В свою очередь банки, стремясь найти новых клиентов, расширили кредитование среднего и малого бизнеса – чаще всего, под залог недвижимости [17. Р. 278]. Таким был очень важный (и при этом, конечно, не единственный) фактор, способствовавший ажиотажному росту цен на ипотечном и строительном рынке. Этот грандиозный бум, достигший высшей точки на исходе 1980-х гг., завершился неизбежным и стремительным обвалом, который в той или иной мере ударил по всем отраслям экономики.

В следующем десятилетии Япония, несмотря на различные стимулирующие меры, отличалась низкими темпами роста ВВП. Как доля страны в глобальной экономике, так и доля Токио в мировых банковских активах почти непрерывно (за исключением небольшой коррекции 1993–1995 гг.) снижались; к тому же во втором случае ослабление позиций происходило особенно быстро (см. табл. 2). Ответом на эти тенденции стали предпринятые в конце 1990-х гг. действия японских властей, направленные на дальнейшую либерализацию национального фондового рынка [3. Р. 270]. Важные события происходили и по инициативе частного сектора: так, в 1996 г. завершилось давно намечавшееся слияние «Mitsubishi Bank» с «Bank of Tokyo». Принеся в этот альянс разветвленные офисные сети внутри Японии (от первой стороны) и значительное международное присутствие (от второй), названные группы создали «Bank of Tokyo–Mitsubishi», который на некоторое время оказался самым большим банком в мире [22. 29.03.1995, 02.04.1996].

Впрочем, даже это объединение, превосходившее по своему масштабу аналогичные события 1990-х гг. в Нью-Йорке, не смогло принципиально изменить ситуацию. В 2000 г. Токио, при общей величине активов 4,1 трлн долл., явно сохранял за собой статус крупнейшего банковского узла на планете. Однако такой показатель означал, что за десятилетие (в текущих ценах) был достигнут прирост лишь на 13%. Подобные итоги резко контрастировали с увеличением на 120% у Нью-Йорка и даже на 140% у Лондона. Все еще заметно отставая от Токио в абсолютных величинах, Нью-Йорк (пятое место в мире, 1,5 трлн долл.) ощутимо приблизился к лидеру (см. табл. 3). Основной финансовый центр Соединенных Штатов, вслед за находившимися выше него Парижем, Франкфуртом и Лондоном, казалось, с определенной долей успеха пытался вернуть глобальную банковскую географию к привычной картине американско-европейского преобладания над Азией.

2000–2010-е гг.: новый «ветер с Востока». Приход «миллениума» не стал для кредитной системы США принципиально важной гранью. Почти все ключевые вопросы в плане дерегулирования, ставившиеся деловыми кругами, к этому времени были успешно решены. Пройдя без особых потерь короткую рецессию середины 2001 г., отрасль продолжала уверенно расти.

На переднем крае этого подъема по-прежнему находились банковские конгломераты Нью-Йорка, Шарлотта и Сан-Франциско. В новом десятилетии они энергично развивали линию стратегических межрегиональных приобретений: в частности, в 2004 г. нью-йоркскому холдингу «JPMorgan Chase» под руководством У. Харрисона удалось присоединить большую финансовую группу «Bank One» с центром в Чикаго. На этом же этапе широко распространилась практика, при которой крупнейшие банки в составе холдингов регистрировались не там, где сами холдинги, а в каких-либо штатах с благоприятными налоговыми правилами.

ми. «JPMorgan Chase» в этом плане отдал предпочтение штату Огайо, тогда как руководители «Citigroup» выбрали сначала Неваду, а затем Южную Дакоту. Подобные новшества стали своеобразным отражением технологического прогресса, позволявшего теперь успешно выстраивать внутрикорпоративное управление на расстояниях в сотни и тысячи миль. Не менее важным было и то, что «оптимизация» налогов помогала банковским группам США оставлять у себя значительную часть прибыли и вкладывать в развитие бизнеса дополнительные средства. Американские финансовые гиганты (во многом за счет Шарлотта, но также при очень активном участии Нью-Йорка и Сан-Франциско) удерживали сильные позиции на мировой арене.

Похожая картина сохранилась – вопреки тому, что можно было ожидать – и после «Великой рецессии» 2008–2009 гг. Этот тяжелый кризис, спровоцированный (подобно кризису начала 1990-х гг. в Японии) перегревом строительного рынка, привел к банкротству ряда кредитных компаний. Однако самые значительные из таких случаев происходили в Шарлотте, Кливленде, Сиэтле и некоторых других городах, но не в Нью-Йорке. (Там, правда, потерпели крушение большие инвестиционные дома «Bear Stearns» и «Lehman Brothers», но они не относились к собственно банковскому сектору.)

Более того, для исторических кредитных сил с Манхэттена кризис и последовавший за ним период стали временем и новых вызовов, и новых возможностей. «JPMorgan Chase» и некоторые другие корпорации, в целом успешно справляясь со своими трудностями, сыграли важную стабилизирующую роль для всей финансовой системы страны. Особенно заметным оказался «JPMorgan Chase», который (скорее, по настоянию федеральных регуляторов, чем из-за собственных интересов) взял под свой контроль остатки бизнеса банковской группы «Washington Mutual» из Сиэтла, а также упомянутого «Bear Stearns». Новый топ-менеджер «JPMorgan Chase» Джеймс Даймон, принявший полномочия от У. Харрисона в 2005 г., стал одним из основных гарантов восстановленной финансовой надежности, ключевой фигурой на современном банковском поле США, а также героем сразу двух биографических книг, написанных в очень позитивном и уважительном ключе [33, 34]. Впрочем, нельзя не упомянуть и другой источник стабилизации: являвшийся непосредственным ответом на кризис и принятый при президенте Б. Обаме закон Додда–Франка (2010 г.), который, не покушаясь на базовые принципы рыночной свободы, в отдельных аспектах усилил контроль правительственных агентств над финансовым сектором.

Между тем на протяжении 2000-х, а потом и 2010-х гг. сохранялись негативные тенденции в Японии. Это происходило несмотря на попытки властей стимулировать экономический рост через снижение учетной ставки национального банка почти до нулевых значений, а также вопреки дальнейшей консолидации в кредитном

секторе (включая появление в 2005–2006 гг. нового токийского гиганта «Mitsubishi UFJ Financial Group» (MUFG), созданного на основе столичного «Bank of Tokyo–Mitsubishi» и «UFJ Holdings» из Осаки). С учетом еще и такого фактора, как сохранение (при отдельных перерывах) неплохой динамики у Лондона, можно было говорить о дальнейшем контрнаступлении атлантических центров на фоне хронических неудач японской стороны.

Конечно, Токио во главе с флагманскими группами MUFG, «Mizuho Financial» и «Sumitomo Mitsui» остался огромным банковским узлом, но все же потерял к началу 2010-х гг. статус безоговорочного мирового лидера (см. табл. 3). После подавляющего преимущества японской столицы, наблюдавшегося в относительно недавнем прошлом, достижение примерного паритета с ней было для Нью-Йорка и Лондона хорошим результатом.

Другое дело, что все эти обстоятельства (даже если учесть вместе с ними и положение дел у основных центров континентальной Европы) теперь формировали лишь часть глобальной картины. На исходе XX и в начале XXI в. чрезвычайно важные поправки в расклад сил на мировой банковской арене внесла Китайская Народная Республика.

Эта страна, при всем ее колоссальном потенциале, долгое время жила в условиях крайне неэффективной экономической модели, ужасающей бедности большинства населения и очень ограниченных связей с мировым финансовым рынком. Руководитель «Chase Manhattan Bank» Дэвид Рокфеллер, посетивший в 1973 г. Пекин для переговоров о возможном сотрудничестве, отмечал, что китайские партнеры «с подозрением относились даже к самым простым из западных банковских практик» [14. Р. 253].

Ситуация стала меняться с 1978–1979 гг., когда при Дэн Сяопине был взят курс на либерализацию экономики и привлечение зарубежных инвестиций. Вскоре к этим магистральным линиям добавилось и постепенное реформирование кредитной системы КНР. За Народным банком Китая (НБК), который в прошлом был фактически единственным учреждением во всей отрасли, к середине 1980-х гг. сохранились только задачи, связанные с эмиссией юаня, и иные функции центрального банка. Кредитно-расчетные услуги для промышленности, строительства, сельского хозяйства и прочих нефинансовых сфер перешли от НБК к четырем созданным на его основе специализированным банкам. Так в Пекине сложилась «большая четверка» новых финансовых институтов («Industrial and Commercial Bank of China» (ICBC), «Bank of China», «Agricultural Bank of China» и «Construction Bank of China»), находящихся преимущественно в собственности государства, но работающих в рыночном ключе [35. Р. 12–15; 36. Р. 16–18].

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг., по мере расширения законодательных рамок, развернулось ак-

тивное формирование новых банков с теми или иными формами собственности. Эти корпорации создавались, конечно, не только в Пекине, но также в Шанхае, Шэньчжэне, Гуанчжоу и многих других городах; Шанхай к тому же стал важнейшим в стране центром биржевой деятельности [35. Р. 100–110, 158; 36. Р. 18–24]. Однако превосходство «большой столичной четверки», за которой в немалой степени стояла экономическая и политическая мощь китайского государства, оставалось неизменным.

Уже в последнем десятилетии XX в., несмотря на резкую девальвацию юаня в 1994 г. (и в целом на стратегическое решение руководства КНР о длительном удержании низкого курса национальной валюты по отношению к доллару [21. С. 148–149]), Пекин по сумме банковских активов достиг примерного паритета с Нью-Йорком. Правда, общие показатели США за счет других городов тогда еще были существенно выше, чем у Китая. Следующим рубежом стал 2005 г., когда, вслед за отменой привязки юаня к доллару и переориентацией на корзину валют, китайская денежная единица стала дорожать [37. С. 112–113]. Такая ситуация, подобно ревальвации иены в 1985 г., помогла немного ограничить приток товаров со стороны Восточной Азии на американский рынок. Но параллель повторилась и в другом отношении. Сильная валюта позволила сделать еще более выраженным (особенно в пересчете на доллары) общий экономический подъем нового индустриального гиганта, а также и взлет его главной банковской метрополии: если в 1980-е гг. это были Япония и Токио, то в 2000-е гг. – КНР и Пекин (см. табл. 2, 4). Стремительно оторвавшись от Нью-Йорка и других конкурентов (в том числе от Парижа, ставшего глобальным лидером на короткий переходный период), Пекин на рубеже 2000–2010-х гг. с показателем более 9 трлн долл. решительно выдвинулся на первое место в мире (см. табл. 3).

Таблица 4

Доля Китая в глобальном ВВП; доли Пекина и Шанхая в общей сумме активов крупнейших банков мира, 1970–2015 гг., %

Актеры	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Китай (ВВП)	2,7	2,5	2,5	2,3	1,7	2,4	3,6	4,8	9,2	14,8
Пекин (активы)	–	–	–	0,3	0,7	2,8	3,5	4,2	6,6	13,2
Пекин и Шанхай (активы)	–	–	–	0,3	0,8	2,9	3,7	4,6	7,5	14,6

Примечание. Расчеты автора на основе: [10–13].

Последующие годы показали (и продолжают показывать сейчас), насколько серьезной является заявка Пекина на ведущую роль в мировом масштабе. Более того, в середине 2010-х гг. это лидерство, помимо убедительно количественного выражения, стало приобретать новые качественные черты – прежде всего, из-за взятого руководством КНР курса на интернационализацию юаня. Предполагается, что китайская денежная единица, по мере отмены остающихся ограничений,

будет все шире использоваться в разнообразных международных транзакциях, а в итоге получит признание в качестве одной из мировых резервных валют [37. С. 114–116]. Очень важным событием стало создание в 2015–2016 гг. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций («Asian Infrastructure Investment Bank», АИВ) со штаб-квартирой в Пекине. Это мощное транснациональное учреждение с преобладанием китайского капитала участвует в реализации больших экономических проектов в целом ряде стран азиатского континента от Индонезии до Азербайджана. Многие американские комментаторы и официальные лица восприняли появление АИВ как новый шаг к переформатированию нынешней (сложившейся после Второй мировой войны) финансовой системы, ведущую роль в которой играют Международный валютный фонд и Всемирный банк, располагающиеся в США [22. 24.07.2015]. Наконец, следует отметить, что и после новой девальвации юаня, обозначившейся с 2015 г., усиление позиций Пекина лишь немного замедлилось, но не прекратилось.

Именно здесь, во второй половине 2010-х гг., в этом исследовании должна быть поставлена условная хронологическая точка. К настоящему моменту можно фиксировать очень уверенное лидерство Пекина при объеме активов более 16 трлн долл. (хотя и не с таким феноменальным отрывом по процентным долям, который демонстрировал Токио в конце 1980-х гг.). На следующих позициях с подвижными, но в любом случае с относительно близкими результатами в диапазоне 6–8 трлн сейчас располагаются те города, которые и сами в прошлом оказывались на вершине, т.е. Токио, Нью-Йорк и Лондон, а также Париж. Трансформации мирового банковского поля, наблюдающиеся уже десятилетиями и даже веками, происходят и в наши дни и, конечно, продолжатся в будущем. Соответственно, в подобном анализе нельзя подвести итоговую черту, но можно сделать некоторые обобщающие выводы на основе прошлых и нынешних событий.

Наиболее фундаментальное правило, которое просматривается сквозь призму длительного исторического опыта, заключается в том, что мощный экономический подъем какой-либо страны обычно сопровождается очень быстрым усилением международных позиций ее главного банковского центра (или группы центров). В XIX в. эту закономерность определенно подтвердил Лондон (а ранее – Амстердам и ряд других городов), в первой половине XX в. – Нью-Йорк, в 1970–1980-е гг. – Токио, в 1990-е гг. и, с еще большей убедительностью, в начале XXI столетия – Пекин. Последние два случая стали предметом специального рассмотрения на этих страницах (см. табл. 2, 4). Конечно, общий рост ВВП и восхождение банковской столицы не всегда строго совпадают по скорости и амплитуде изменений, но общая связь здесь совершенно очевидна.

Названное правило, однако, лишь отчасти действует в обратном направлении. Когда страна, утратив прежнюю динамику, скатывается с мировой экономической

вершины, у основной финансовой метрополии тоже возникают проблемы с сохранением абсолютного лидерства, но при этом накопленный багаж (в плане репутации, капиталов, квалифицированных специалистов и т.д.) позволяет остаться пусть не во главе «высшего общества», но в его составе.

Самый яркий пример в данном отношении – это, конечно, Лондон, который продолжает быть огромным деловым узлом вопреки относительно малым масштабам, особенно на фоне США и КНР, британской экономики. В менее выраженном варианте эту линию повторяет современный Нью-Йорк. Соединенные Штаты, которые еще 20–30 лет назад безусловно лидировали в глобальном хозяйстве, сегодня находятся в состоянии примерного (зависящего от методики подсчета) паритета с Китаем. Нью-Йорк, как и можно было в такой ситуации ожидать, по банковским показателям заметно отстал от феноменально выросшего Пекина, но, конечно, удержался на одной из верхних ступеней. Более того, вместе с данной констатацией необходимо вспомнить и о таком обстоятельстве, как сохранение в США других банковских центров мирового класса, а также о наличии в самом Нью-Йорке гигантского биржевого кластера, который по капитализации до сих пор превосходит китайских и иных конкурентов.

Словом, исторический фундамент (в сочетании с силой национальной экономики и благоприятным ин-

вестиционным климатом) при всех вызовах глобализации помогает Нью-Йорку оставаться одним из важнейших финансовых перекрестков на планете. Этот город обладает огромной деловой традицией и большим запасом прочности – не только уровне корпоративных капиталов и брендов, но в плане способности генерировать из поколения в поколение первоклассные кадры. Вполне возможно, что упоминавшиеся в этой работе финансисты (например, Уолтер Шипли, Уильям Харрисон или Джеймс Даймон) еще займут в исторических книгах почти такое же место, как Джон Пирпонт Морган и другие легендарные личности из числа «строителей Америки».

Наконец, нельзя не вспомнить и о сомнениях насчет устойчивости китайского экономического роста, которые в последнее время все чаще звучат в американской аналитике [38, 39]. Впрочем, сегодняшний Китай, при всех оговорках о недостаточной прозрачности национальных статистических данных и иных внутренних проблемах, в любом случае стал новой экономической сверхдержавой, а Пекин – одним из важнейших локомотивов мирового банковского сектора. Очевидно также, что непрерывно развивающиеся траектории Пекина, Нью-Йорка и других финансовых столиц, играющих чрезвычайно важную роль в современном мире, требуют дальнейшего мониторинга и изучения с учетом прежней исторической эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

- Kindlberger C.P. The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History // Princeton Studies in International Finance. № 36. Princeton: Princeton University, Department of Economics, 1974. 78 p.
- Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T. 3: Le Temps du Monde. Paris: Armand Colin, 1979. 607 p.
- Cassidy Y. Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 400 p.
- Никитин Л.В. Нью-Йорк, Сан-Франциско и Шарлотт: новейшая история борьбы за лидерство в банковской системе США (1970-е – середина 2010-х годов) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 128–144.
- Nikitin L.V. National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s–2015 // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 11. С. 2545–2553.
- Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005. 168 с.
- Institute for Urban Strategies at the Mori Memorial Foundation. Global Power City Index (GPCI). URL: <http://www.mori-memorial-foundation.or.jp/english/ius2/gpci2/index.shtml>
- The Z/Yen Group. Global Financial Centres Index (GFCI). URL: <http://www.zyen.com/research/gfci.html>
- The Xinhua News Agency; Dow Jones & Company. International Financial Centers Development Index (IFCD). URL: <http://www.sh.xinhuanet.com/shstatics>
- The Banker Database. Top 300 World Banks, 1970–1979. URL: <https://www.thebanker.com>
- The Banker Database. Top 500 World Banks, 1980–1988. URL: <https://www.thebanker.com>
- The Banker Database. Top 1000 World Banks, 1989–2018. URL: <https://www.thebanker.com>
- United Nations Statistical Division. National Accounts Main Aggregates Database. URL: <http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp>
- Rockefeller D. Memoirs. N.Y.: Random House, 2003. 532 p.
- Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 247 p.
- Lachman S.P., Polner R. The Man Who Saved New York: Hugh Carey and the Great Fiscal Crisis of 1975. Albany: SUNY Press, 2010. 221 p.
- Grossman R.S. Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800. Princeton: Princeton University Press, 2010. 408 p.
- Love B.F. Ben Love: My Life in Texas Commerce. College Station: Texas A&M University Press, 2005. 343 p.
- Houston Chronicle. 1986, 1987.
- Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. 567 с.
- Рикардс Дж. Валютные войны. М.: Эксмо, 2015. 368 с.
- New York Times. 1987, 1991, 1995, 1996, 2015.
- Seidman L.W. Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas. Washington D.C.: Beard Books, 2000. 315 p.
- Матюхин Г.Г. Мировые финансовые центры. М.: Междунар. отношения, 1979. 216 с.
- Reed H.C. The Ascent of Tokyo as an International Financial Center // Journal of International Business Studies. 1980. № 3. P. 19–35.
- Reed H.C. The Preeminence of International Financial Centers. N.Y.: Praeger, 1981.
- Choi S.R., Tschoegl A.E., Yu C.M. Banks and the World's Major Financial Centers, 1970–1980 // Weltwirtschaftliches Archiv. 1986. Vol. 122, № 1. P. 48–64.
- Choi S.R., Park D., Tschoegl A.E. Banks and the World's Major Financial Centers, 1990 // Weltwirtschaftliches Archiv. 1996. Vol. 132, № 4. P. 774–793.
- Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory. URL: <https://www5.fdic.gov/idasadvSearchLanding.asp>

30. Cattani G., Tschoegl A.E. An Evolutionary View of Internationalization: Chase Manhattan Bank, 1917 to 1996 // The Wharton School of Business. Financial Institutions Center. 2002. Working Paper 02–37. URL: <http://www.fic.wharton.upenn.edu/fic/papers/02/p0237.html>
31. Жоров Е.А. Экономическая модернизация Великобритании: новый этап (1990–1997 гг.). Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2010. 389 с.
32. Roberts R., Kynaston D. The Lion Wakes: a Modern History of HSBC. London : Profile Books, 2015. 785 p.
33. Crisafulli P. The House of Dimon: How the JPMorgan's Jamie Dimon Rose to the Top of the Financial World. N.Y. : Wiley, 2009. 256 p.
34. McDonald D. Last Man Standing: The Ascent of Jamie Dimon and JP Morgan Chase. N.Y. : Simon & Schuster, 2010. 352 p.
35. Financial Services in China: the Past, Present and Future of a Changing Industry. Singapore : China Knowledge Press, 2005. 500 p.
36. Jiang C., Yao S. Chinese Banking Reform: From the Pre-WTO Period to Financial Crisis and Beyond. London : Palgrave Macmillan, 2017. 331 p.
37. Ремыга О.В. Реформа обменного курса юаня // Экономические стратегии. 2014. № 1. С. 110–117.
38. Minzner C. End of an Era: How China's Authoritarian Revival is Undermining its Rise. N.Y. : Oxford University Press, 2018. 296 p.
39. Overholt W.H. China's Crisis of Success. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 302 p.

Leonid V. Nikitin. South Urals State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Ind2001nikitin@mail.ru

A HISTORIC LEADER FACES NEW CHALLENGES: NEW YORK CITY IN THE GLOBAL BANKING SYSTEM OF THE 1970S - 2010S

Keywords: 1970s - 2010s; banks; global competition; New York City; London; Tokyo; Beijing.

The article is focused on evolution of New York's positions in the global banking system over five decades: from the beginning of the 1970s until the present days. The study is based primarily on large statistical massifs, including annual rankings of the largest banks of the world (from the London-based *The Banker* magazine), and macroeconomic data from the United Nations Statistical Division. Besides, non-quantitative information (for example, memoirs and publications in periodicals) was also widely used.

The investigation shows that after decades of obvious leadership (1930s - 1960s), New York faced quite different realities. Relatively slow growth of national economy caused gradual decreasing of the US share in the global GDP. At the same time the Bretton Woods system of monetary management, in which the US dollar played the central role, ceased to exist. On the other hand, by the 1970s there were outstanding industrial breakthroughs in some other countries, especially in Japan. These events also affected the credit sector: in 1972-1973, Tokyo surpassed New York in terms of total assets of local banking corporations and became a new global leader.

The offensive of foreign competitors, along with some other factors, was perceived in the USA as a signal to reform the national banking system. In this sector, some of the historical restrictions that hindered its development were lifted during the second half of the 1970s and the first half of the 1980s. Nevertheless, the superiority of Japanese banks remained overwhelming, especially after the yen's revaluation in 1985. So, the entire period of the 1970s and 1980s can be considered as the time of the "Japanese challenge" or even the "Japanese domination".

However, the situation changed dramatically in the early 1990s, when a severe crisis in the real estate and stock market dealt a powerful blow to the positions of Tokyo. Besides, in the United States at the same stage, the work on the liberalization of banking legislation was resumed. Although Tokyo still was the largest banking hub in the world, New York and some other cities have noticeably reduced the gap from the leader in this decade.

Finally, another fundamental shift in the global banking area occurred at the beginning of the 21st century. This was due primarily to the phenomenal economic growth of the PRC and the strengthening of Beijing's position as a world banking center (analogous to the rise of the Japanese economy and following financial advance of Tokyo at the previous stage). In the 2010s, Beijing has become the undisputed global leader in terms of banking assets. Nevertheless, the cities in the following ranking positions (primarily, New York, Tokyo, London, Paris and Frankfurt) also play a very important role in the contemporary credit system. Thus, despite some retreat under the pressure of foreign competitors, the huge financial and professional resources allowed New York to remain among the most important banking nodes in the world.

REFERENCES

1. Kindlberger, C.P. (1974) *The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History*. Princeton: Princeton University, Department of Economics.
2. Braudel, F. (1979) *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVIe–XVIIIe siècle*. Vol. 3. Paris: Armand Colin.
3. Cassis, Y. (2006) *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005*. New York: Cambridge University Press.
4. Nikitin, L.V. (2015) New York, San Francisco and Charlotte: Contemporary History of Competition for Leadership in the U.S. Banking System (1970s - mid 2010s). *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. pp. 128–144. (In Russian).
5. Nikitin, L.V. (2015) National Banking Areas in Dynamics: Evidence from the USA and Russia, 1980s – 2015. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 8(11). pp. 2545–2553. (In Russian).
6. Sluka, N.A. (2005) *Gradotsentricheskaya model' mirovogo khozyaystva* [The town-centric model of the world economy]. Moscow: Press-Solo.
7. Institute for Urban Strategies at the Mori Memorial Foundation. (n.d.) *Global Power City Index (GPCI)*. [Online] Available from: <http://www.mori-memorial-foundation.or.jp/english/ius2/gpci2/index.shtml>
8. *The Z/Yen Group. Global Financial Centres Index (GFCI)*. [Online] Available from: <http://www.zyen.com/research/gfci.html>
9. The Xinhua News Agency. (n.d.) *Dow Jones & Company. International Financial Centers Development Index (IFCD)*. [Online] Available from: <http://www.sh.xinhuanet.com/shstatics>
10. The Banker Database. (n.d.) *Top 300 World Banks, 1970–1979*. [Online] Available from: <https://www.thebanker.com>
11. The Banker Database. (n.d.) *Top 500 World Banks, 1980–1988*. [Online] Available from: <https://www.thebanker.com>
12. The Banker Database. (n.d.) *Top 1000 World Banks, 1989–2018*. [Online] Available from: <https://www.thebanker.com>
13. United Nations Statistical Division. (n.d.) *National Accounts Main Aggregates Database*. [Online] Available from: <http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnList.asp>
14. Rockefeller, D. (2003) *Memoirs*. New York: Random House.
15. Harvey, D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. New York: Oxford University Press.
16. Lachman, S.P. & Polner, R. (2010) *The Man Who Saved New York: Hugh Carey and the Great Fiscal Crisis of 1975*. Albany: SUNY Press.
17. Grossman, R.S. (2010) *Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800*. Princeton: Princeton University Press.
18. Love, B.F. (2005) *Ben Love: My Life in Texas Commerce*. College Station: Texas A&M University Press.
19. *Houston Chronicle*. (1986)
20. Garbuzov, V.N. (2008) *Revolutsiya Ronal'da Reygana* [The Ronald Reagan Revolution]. Moscow: Nauka.
21. Rickards, J. (n.d.) *Valyutnye voyny* [Currency wars]. Moscow: Eksmo.
22. New York Times. (1987)

23. Seidman, L.W. (2000) *Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas*. Washington D.C.: Beard Books.
24. Matyukhin, G.G. (1979) *Mirovye finansovye tsentry* [World financial centers]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
25. Reed, H.C. (1980) The Ascent of Tokyo as an International Financial Center. *Journal of International Business Studies*. 3. pp. 19–35. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490620
26. Reed, H.C. (1981) *The Preeminence of International Financial Centers*. New York: Praeger.
27. Choi, S.R., Tschoegl, A.E. & Yu, C.M. (1986) Banks and the World's Major Financial Centers, 1970–1980. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 122(1). pp. 48–64. DOI: 10.1007/BF02706285
28. Choi, S.R., Park D. & Tschoegl, A.E. (1996) Banks and the World's Major Financial Centers, 1990. *Weltwirtschaftliches Archiv*. 132(4). pp. 774–793.
29. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). (n.d.) *Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory*. [Online] Available from: <https://www5.fdic.gov/idas/advSearchLanding.asp>
30. Cattani, G. & Tschoegl, A.E. (2002) An Evolutionary View of Internationalization: Chase Manhattan Bank, 1917 to 1996. *The Wharton School of Business. Financial Institutions Center*. Working Paper 02–37. [Online] Available from: <http://www.fic.wharton.upenn.edu/fic/papers/02/p0237.html>
31. Zhorov, E.A. (2010) *Ekonomicheskaya modernizatsiya Velikobritanii: novyy etap (1990–1997 gg.)* [UK Economic Modernization: A New Stage (1990–1997)]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
32. Roberts, R. & Kynaston, D. (2015) *The Lion Wakes: a Modern History of HSBC*. London: Profile Books.
33. Crisafulli, P. (2009) *The House of Dimon: How the JPMorgan's Jamie Dimon Rose to the Top of the Financial World*. New York: Wiley.
34. McDonald, D. (2010) *Last Man Standing: The Ascent of Jamie Dimon and JP Morgan Chase*. New York: Simon & Schuster.
35. Xiaohu Tong. (2005) *Financial Services in China: the Past, Present and Future of a Changing Industry*. Singapore: China Knowledge Press.
36. Jiang, C. & Yao, S. (2017) *Chinese Banking Reform: From the Pre-WTO Period to Financial Crisis and Beyond*. London: Palgrave Macmillan.
37. Remyga, O.V. (2014) Reforma obmennogo kursa yuany [RMB exchange rate reform]. *Ekonomicheskie strategii*. 1. pp. 110–117.
38. Minzner, C. (2018) *End of an Era: How China's Authoritarian Revival is Undermining its Rise*. New York: Oxford University Press.
39. Overholt, W.H. (2017) *China's Crisis of Success*. Cambridge: Cambridge University Press.